

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

510201

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАНЕВА

Екатери. навалъ, между Вознес. и Маринскииъ мостами, д. № 90-1.

1878.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1876 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Черногорія подъ управленіемъ владыкъ. Д. Бакича.

Вліяніе водворенія въ Римѣ имперіи на литературу.—Римская литература при Тиберіѣ. В. Модестова.

Критическія и библиографическія замѣтки.

Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877, par *Alfred Rambaud*, professeur à la Faculté des lettres à Nancy, membre correspondant de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg. Исторія Россіи отъ начала до 1877 г., соч. *Альфреда Рамбо*, профессора словеснаго факультета въ Нанси, члена-корреспондента С.-Петербургской Академіи Наукъ). К. Бекетужина-Рюмина.

Наша учебная литература.

Академія новѣйшей филологіи въ Берлинѣ. А. Кирпичникова.

Извлеченіе изъ отчета попечителя кавказскаго учебнаго округа за 1877 годъ.

О дѣятельности высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани за 1877—78 годъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) низшія училища.

Письмо изъ Парижа Л. Д—ръ.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложеніе.

(См. на 3-й стр. обертки.)

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877, par *Alfred Rambaud*, professeur à la Faculté des lettres à Nancy, membre correspondant de l'Académie des sciences de Saint-Petersbourg. (Исторія Россіи отъ начала до 1877 г., соч. *Альфреда Рамбо*, профессора словеснаго факультета въ Нанси, члена-корреспондента С.-Петербургской Академіи Наукъ). Paris. 1878.

Къ извѣстному собранію историческихъ руководствъ, издаваемому бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія второй имперіи Дюрюи, въ настоящемъ году прибавился новый томъ, важный для насъ по своему содержанию: „Исторія Россіи“, написанная профессоромъ Рамбо, труды котораго для ознакомленія Европы съ прошедшими судьбами Россіи оцѣнены и признаны всѣми, кто понимаетъ дѣло. Его изящный пересказъ новыхъ матеріаловъ о Москвѣ 1812 г. и оборонѣ Севастополя (*Français et Russes — Moscou et Sébastopol. 1812 — 1854*) (*Французы и Русскіе — Москва и Севастополь*), его статьи о Екатеринѣ въ *Revue de deux Mondes* и въ особенности — его „*La Russie épique*“, о которой мы отдали въ свое время отчетъ читателямъ, высоко поставили его имя въ ряду иностранцевъ, занимающихся русскою исторіей, и даже иногда (въ „*Эпической Россіи*“) доставляли важныя соображенія русскимъ ученымъ. Достоинства его сочиненій значительны: въ нихъ съ перваго взгляда видны знакомство съ русскою литературой, ясность построенія и изложенія, обдуманная сжатость и изящная простота — плодъ внимательнаго изученія классическихъ образцовъ старой французской прозы, лучшія стороны французскаго *bon sens*, черезчуръ униженнаго въ порывахъ

романтической и германской реакціи и напрасно подавленнаго тяжестью нѣмецкаго глубокомыслія и остроумія (Scharf- und Tiefsinn). Какъ ѣдко посмѣялся бы Вольтеръ, если бы дошло до него нѣмецкое, русское, а отчасти и французское огульное осужденіе золотого нѣка французской литературы. Теперь споры умолкли, и пора признать, что въ отношеніи изложенія школа Восюэта и Вольтера полезнѣе школы Мишлэ или Виктора Гюго. Въ профессорѣ Рамбо нельзя не признать даровитаго послѣдователя этой старой доброй школы и нельзя съ удовольствіемъ не отиѣтити этой прежде всего бросающейся въ глаза черты его литературной дѣятельности. Хорошо отказываться отъ національных предрасудковъ (убѣдившись, разумѣется, основательно въ томъ, что они дѣйствительно, предрасудки), но также хорошо умѣть держаться здоровыхъ вѣвovýchъ преданій націи. Профессоръ Рамбо безупреченъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, на сколько человѣкъ можетъ быть безупреченъ. Не только природная даровитость, но и широкое европейское образованіе поставили его въ возможность правильнѣе многихъ взглянуть на страну, которая для большинства его соотечественниковъ (даже и стоящихъ высоко въ умственномъ отношеніи; вспомнимъ хоть Мишлэ и Анри Мартена) представляется чѣмъ-то въ родѣ буки: *Le chant d'un cosaque* Беранже и *Testament de Pierre le Grand*—вотъ credo большинства французскихъ публицистовъ и историковъ; для нихъ-то Духинскій открылъ свою туранскую Америку. Есть, разумѣется, и блистательныя исключенія: въ замѣчательной, хотя и малооцѣненной у насъ книгѣ В. И. Ламанскаго: „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ“ приведено нѣсколько очень сочувственныхъ отзывовъ Французовъ о Россіи; но эти отзывы преимущественно основаны на разумѣ, а не на близкомъ знакомствѣ. Иначе отнесся къ Россіи г. Рамбо: онъ прежде изучилъ, а потомъ судить; оттого и слово его болѣе вѣско.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы выхода въ свѣтъ обѣщаннаго даровитымъ нансійскимъ профессоромъ руководства къ русской исторіи. Многочисленныя и разнородныя затрудненія, думали мы, ожидаютъ иностранца, принявшагося за такую тему: въ наше время изложить исторію какой-либо страны—дѣло нелегкое, ибо требуетъ внимательности къ явленіямъ совершенно разнороднымъ: внѣшняя политика и распредѣленіе собственности, равно какъ и форма ея, состояніе религіознаго сознанія и финансовыхъ учреждений, степень просвѣщенія и организація войска—сколько различныхъ, совершенно, по видимому, противоположныхъ предметовъ; но жизнь связываетъ ихъ незамѣтными

вѣтами; опустите вы одну нить (а кто не опуститъ хотя одной?), и все ваше представленіе о странѣ—невѣрно. Затрудненія эти существуютъ вездѣ и еще усиливаются тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ вещи познаются преимущественно по сравненію, то для обсужденія каждаго явленія необходимо имѣть понятіе о главныхъ типахъ подобныхъ явленій, существующихъ или существовавшихъ въ мірѣ, неизбежно примѣненіе сравнительнаго метода. Состояніе русской науки еще увеличиваетъ эти затрудненія: многіе вопросы еще не подвергались у насъ серьезному научному изслѣдованію (напримѣръ, связь между Польшей и Россіей относительно идей политическихъ и умственнаго развитія; даже степень и сила монгольскаго вліянія; развитіе идей юридическихъ въ XVIII вѣкѣ и т. п.); то, что сдѣлано въ различныхъ монографіяхъ, еще далеко не собрано въ одно цѣлое, даже по отдѣльнымъ группамъ (у насъ нѣтъ исторіи права отъ начала, нѣтъ исторіи церкви полной и т. д.). То изъ сочиненій историческихъ нашего времени, которое по объему превышаетъ всѣ остальные, идетъ далѣе всѣхъ по времени и по высокимъ умственнымъ способностямъ автора знаменуетъ собою цѣлую эпоху въ русской историографіи, обсуждая высшую политику, даетъ только матеріалъ (особенно въ послѣднихъ томахъ) для пониманія внутренняго развитія и болѣе заботится о томъ, чтобы матеріалъ былъ новъ, чѣмъ о томъ, чтобы онъ былъ приведенъ въ связь съ извѣстнымъ уже матеріаломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объясненъ общими условіями времени и законами того порядка явленій, къ которымъ онъ принадлежитъ. Цѣль всякой исторіи—народное самознаніе—заявленная на первой страницѣ самого характеристическаго труда въ настоящій періодъ нашей историографіи, остается далеко недостигнутою: мы сдѣлали къ ней много шаговъ, но мы еще далеки отъ нея. Все сказанное мѣшаетъ и русскимъ трудамъ, подобнымъ сочиненію профессора Рамбо; тѣмъ труднѣе написать такую книгу иностранцу, лишенному пособія нашихъ библіотекъ, принужденному ограничиваться весьма недостаточнымъ подборомъ пособій. Ясно, стало быть, что къ труду иностранца мы должны отнестись съ иными требованіями, чѣмъ къ труду русскаго ученаго, и если даже отъ послѣдняго мы не можемъ требовать многого, необходимость чего уже намѣчена въ идеалѣ, то тѣмъ менѣе можно требовать отъ перваго. Отъ иностранца можно желать извѣстной доли безпристрастія, знакомства со страной, ея языкомъ и литературою какъ ученою, такъ и изящною, и наконецъ, объясненія явленій исторіи этой страны явленіями исторіи тѣхъ странъ, которыя автору наиболѣе извѣстны. Этого

мы ждали отъ книги профессора Рамбо, и прочитавъ ее, остались вполне довольны ею. Профессоръ Рамбо, сохранивъ тѣ стороны своего таланта, которыя наиболѣе были сочувственны для насъ въ его прежнихъ сочиненіяхъ, сохранивъ главнымъ образомъ умѣніе изящно и сжато излагать, показалъ намъ въ этомъ новомъ трудѣ весьма большую степень знакомства съ русскою ученою литературой и не разъ старался освѣтить явленія русской исторической жизни сближеніями съ явленіями жизни европейскихъ народовъ. Въ своихъ сужденіяхъ онъ остается всегда Европейцемъ и Французомъ; мысль о томъ, что наступаетъ время европейской цивилизаціи уступить свое мѣсто, едва ли приходила ему въ голову: только немногіе мыслители западной Европы видятъ, подобно пророкамъ Израиля, близкое паденіе того міра, въ которомъ родились; но даже и въ нихъ нельзя не подозрѣвать того же чувства, которое руководило и пророками, и Тацитомъ въ его „Германіи“: исправьтесь — и вы останетесь солью земли. Исправляются ли народы, слѣдуя по своему роковому пути, — вопросъ другой. Не въ осужденіе глубокоуважаемому нами писателю дѣлаемъ мы это замѣчаніе; мы только указываемъ фактъ и полагаемъ, что любви къ своему именно болѣе всего слѣдуетъ намъ учиться у западной Европы... Переходимъ къ содержанію лежащей передъ нами книги.

Авторъ начинается съ географіи Россіи, гдѣ пользуется трудами русскихъ ученыхъ (преимущественно С. М. Соловьева), а изъ иностранцевъ главнымъ образомъ — г. Леруа-Вольте. Общій взглядъ автора вѣрно и сжато выражается въ слѣдующемъ выводѣ: „Смѣсь долинъ и плоскихъ возвышенностей, разнообразіе въ направленіи большихъ рѣкъ, раздѣленіе на пространства лѣсное, степное, хлѣбопашеское и степное безплодное не препятствуютъ восточной Европѣ сохранять замѣчательное единство. Ни одну изъ частей Россіи нельзя считать совершенно отдѣленною отъ другихъ; равнищность не допускаетъ никакихъ преградъ между ними, никакихъ возможныхъ границъ; предѣлы, поставляемые рѣками, стираются зимою подъ полозьями саней, везущихъ войска, въ то время, какъ морозъ покрываетъ всю равнину отъ Бѣлаго моря до Чернаго однообразнымъ покровомъ, когда климатъ въ Кіевѣ почти также суровъ, какъ въ Архангельскѣ. Всѣ эти края, которые лѣтомъ снова становятся разнообразными, тѣсно связаны между собою экономическими отношеніями. Лѣсная полоса пуждается въ днѣпровскомъ хлѣбѣ, въ волжскомъ скотѣ; въ южныхъ степяхъ требуется сѣверный лѣсъ. Торговля, которая черезъ Западную

Двину, Неву и Сѣверную Двину велась съ Европою, дополнялась торговлею, которая по Днѣпру и Волгѣ велась съ югомъ и востокомъ. Только область Московская, гдѣ поля чередуются съ лѣсами, долго могла довлѣть сама себѣ; но и она не можетъ болѣе, ставъ промышленною. Въ древнее время, соединяя у себя произведенія сѣвера и юга, она представляла собою связь между югомъ и сѣверомъ и достигла господства надъ тѣмъ и другимъ. Даже Новгородъ стоялъ въ экономической зависимости отъ князей, владычествовавшихъ на Окѣ: стоило имъ послѣднимъ запретить подвозъ хлѣба верхнею Волгою въ озерную область, и великая республика подчинялась имъ“.

Отъ страны авторъ переходитъ къ населенію: въ краткой, по живой главѣ онъ излагаетъ историческую и современную этнографію племенъ, населяющихъ Россію. Конечно, новаго трудно ждать на этомъ полѣ, гдѣ такъ много дѣлалось и такъ мало еще сдѣлано по самой трудности предмета и по свойству матеріала; но тѣмъ не менѣе профессоръ Рамбо въ своемъ очеркѣ даетъ въ значительной долѣ вѣрный выводъ изъ всего, чтò сдѣлано до сихъ поръ, выводъ, изложенный въ изящной формѣ. Мы остановимся на томъ, что онъ говоритъ о Велико-русскомъ племени: отрицатъ систему Духинскаго, онъ продолжаетъ: „Болѣе внимательное изученіе показываетъ, что Московія образовалась прежде всего переселеніемъ русскихъ колонистовъ, а затѣмъ (чтò второстепенно) обрусѣніемъ нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ... Можно ли сказать, чтобы жители Новороссіи были обрусѣвшіе Финны или Татары? Такимъ образомъ можно бы утверждать, что 30—40 милліоновъ Сѣверо-Американцевъ ничто иное какъ краспокожіе, выучившіеся по англійски и принявшіе протестантизмъ. Надо признаться, что Русскій владетъ инстинктомъ переселенія и колонизаціи почти въ той же степени, какъ Англо-Саксонцы... Осѣнясь крестнымъ знаменіемъ, съ топоромъ за поясомъ, съ сапогами на веревочкѣ за спиной, пойдетъ онъ на конецъ восточнаго міра. Какъ бы слабъ не былъ русскій элементъ посреди азіатскаго населенія, онъ не погибнетъ и не преобразуется, а добьется таки господства. Исторія способствовала тому, что колонизаціонное движеніе сдѣлалось неизбѣжнымъ. Русскому племени, нашедшему убѣжище въ землѣ Суздальской, пришлось обрабатывать самыя худшія земли своихъ будущихъ владѣній, ибо черноземъ былъ въ рукахъ кочевниковъ... Правда, что Русское племя одарено способностію поглощать нѣкоторыя коренныя племена: Малоруссы приняли въ себя остатки Туркскихъ племенъ; Великоруссы поглотили восточныя Финскія племена. Для этого нужно только,

чтобы сильная религиозная преграда не стояла между побѣдителями и побѣжденными: язычникъ - Чудинъ легко поглощается; но обратясь въ исламъ, онъ становится элементомъ способнымъ къ сопротивленію и не истребимымъ. Это смѣшеніе, болѣе или менѣе значительное, должно было имѣть особое вліяніе на типъ, характеръ и способности Великорусса. Тѣло Московича массивнѣе, черты его рѣзче, чѣмъ у его дѣпровскаго соплеменника, веселаго и остраго Малорусса. У него менѣе воображенія, менѣе южнаго блеска, но болѣе послѣдовательности въ мысляхъ, упорства, рѣшимости, настойчивой энергіи⁴. Все это не новость въ наукѣ, но большая новость во французскомъ обществѣ. Слѣдующая глава посвящена устройству, вѣрованіямъ и обычаямъ древнихъ Славянъ; здѣсь авторъ пользуется трудами русскихъ ученыхъ и вноситъ кое-что изъ слышаннаго имъ на разныхъ археологическихъ сѣздахъ. Такимъ образомъ онъ вполне знакомитъ съ тѣмъ, что сдѣлано въ нашей наукѣ. Очертивъ бытъ Славянъ, авторъ излагаетъ главные теоріи о происхожденіи Варяговъ. Самъ онъ примыкаетъ къ теоріи норманистовъ, прибавляя однако: „Въ варяжскихъ дружинахъ Славяне мѣшались со Скандинавами; но мы знаемъ, что въ дружинахъ Норманновъ, опустошавшихъ поля Франціи, было много Галло-Римлянъ, отступниковъ отъ христіанства, и что они были свѣрѣпѣе въ грабежѣхъ и убійствахъ, чѣмъ настоящіе викингги⁵“. Тамъ, гдѣ можно, авторъ вводитъ сравненіе и сравненіемъ же объясняетъ скорое ославяненіе Варяговъ, прибавляя, что они „внесли въ славянскую неурядицу начало воинственной и дисциплинированной силы, безъ которыхъ не бываетъ государства“. Соглашаясь въ этомъ съ авторомъ, прибавимъ только, что здѣсь важно, стало быть, начало, а не народность тѣхъ, кто его представляетъ. Замѣтимъ встать, что миниатюры, напомнившія автору коверъ Матильды (стр. 41), едва ли не видѣны имъ въ атласѣ М. П. Ногодина, гдѣ срисованы именно этотъ коверъ, — ибо особеннаго сходства съ ковромъ нѣтъ въ рисункахъ „Житія Бориса и Глѣба“. Что же касается скапдинавскаго витязя, будто бы откопаннаго Д. Я. Самоквасовымъ (тамъ же), то едва ли самъ г. Самоквасовъ согласится съ такимъ мнѣніемъ. Онъ полагаетъ, что выкопалъ славянскаго князя, и едва ли онъ не правъ. Съ признанія Варяговъ авторъ начинаетъ разказъ событій и ведетъ его въ этой главѣ до Святослава. Слѣдующая глава посвящена Хлодвигу и Карлу Великому русской исторіи — такъ называетъ авторъ Владиміра и Ярослава — и заканчивается обзорѣмъ быта Руси при Ярославі. Говоря о вліяніи христіанства, авторъ удостоиваетъ нѣсколькими замѣчаніями выраженное мною мнѣніе о выгодахъ припатія нами

православія. Многоуважаемый профессоръ говоритъ: „Отдѣленная отъ запада различіемъ вѣроисповѣданія, Россія во время Монголовъ, какъ Греція въ эпоху нашествія оттоманскаго, не дождалась, чтобы войска Европы выступили на ея защиту“. Припомнимъ на это, что Флорентинскій соборъ былъ закрытъ въ 1442 г., а Константинополь палъ въ 1453 г.; припомнимъ, что Даниилъ готовъ былъ и на унію, но вмѣсто помощи получилъ королевскій вѣнецъ. Стало быть, на то, что Европа не помогла ни Византіи, ни Россіи, существовали другія причины. Вспомнимъ, что одна изъ причинъ, заставившихъ Польшу желать соединенія съ Литвою, была вражда съ Тевтонскимъ орденомъ, а Польша не была странкою православною. Другою причиною, пристрастною для насъ отъ принятія православія, авторъ считаетъ вражду между Россіей и Польшей и отсутствіе у Россіи средствъ вліянія на нѣкоторыя Славянскія племена. Объ этомъ тоже можно спорить. Впервыхъ, мы ли виноваты, что западные Славяне отказались отъ православія? А вовторыхъ, борьба между православными Сербами и Болгарами, между католическими Французами и Англичанами (въ XIV в.) не свидѣтельствуетъ ли, что не одно различіе религій служитъ причиною столкновеній между народами, и постоянный союзъ Франціи отъ Франциска I до Наполеона III съ Турціей служитъ лучшимъ подтвержденіемъ того же. Наконецъ, авторъ замѣчаетъ: „Та же разница въ религій отсрочила для Россіи благодѣянія новой цивилизаціи, порожденной западнымъ Возрожденіемъ, но за то удалила отъ нея страшный кризисъ войнъ временъ реформаціи“. Не здѣсь, конечно, мѣсто говорить о томъ, имѣло ли на насъ вліяніе Возрожденіе, и почему оно не имѣло его; но нельзя не замѣтить, что здѣсь православіе ровно ни при чемъ, и еслибъ ученые Греки нашли у насъ подходящую для себя почву, то къ намъ пріѣхалъ бы не одинъ Максимъ; а Греки были важнымъ орудіемъ Возрожденія, и для нихъ православіе, конечно, не могло служить препятствіемъ. Очевидно, что иныя причины задержали у насъ Возрожденіе, хотя движеніе, имъ порожденное, не совсѣмъ насъ не затронуло. Прибавляю еще, что причастіе европейской цивилизаціи едва ли было бы для насъ такимъ благомъ, какъ думаетъ Европа, да и многіе у насъ (къ сожалѣнію, иногда изъ лучшихъ людей). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что цивилизація Европы односторонняя, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, что такъ-называемое Возрожденіе направило ее въ опредѣленное русло: матеріальное благосостояніе XIX в., есть плодъ умственнаго движенія XV и XVI вв., а мы знаемъ, когда народы достигаютъ матеріальнаго благосостоянія. Будемъ вѣрить и на-

дѣяться, что наше отъ насъ не уйдетъ, что періодъ нашъ въ будущемъ, и будемъ благодарны предкамъ, принявшимъ православіе, чѣмъ и дали намъ возможность не жить съ Европой одною жизнью, а только пользоваться ея опитомъ. Въ очеркѣ своемъ авторъ прекрасно передалъ то, что нашелъ въ русскихъ книгахъ; замѣтимъ кстати незначительную опіску: авторъ говоритъ, что оба законодательства славянское и византійское слились въ судебникѣ Грознаго (въ текстѣ, стр. 73, стоитъ Уложеніе, а Судебникъ въ опечаткахъ); мы считаемъ правильнѣе отнести ихъ слятіе къ Уложенію Алексѣя, принявшему Номоканонъ въ число своихъ источниковъ; этимъ не отрицается раннее вліяніе Кормчей на свѣтское законодательство, но вліяніе усиливается, приближаясь къ XVII в., и кульминаціонный пунктъ его есть Уложеніе; съ Петра начинается иное.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ разказываются княжескія отношенія до Татаръ: въ главѣ VI—до взятія Кіева войсками Боголюбскаго, а въ VII до конца періода. Слѣдующія главы посвящены вольнымъ общинамъ и вообще производятъ хорошее впечатлѣніе своимъ изложеніемъ. Замѣтимъ только, что на стр. 111—112 вкралась неточность: Двинская грамота слита въ одно съ Новгородскою (см. мою „Исторію“, I, 339, 343); мѣстами (стр. 111) авторъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ, которыхъ довольно въ изображеніи Кіевской Руси; но здѣсь мы ждали бы большаго. При изложеніи появленія Меченосцевъ (гл. IX) авторъ основательно держался прекрасной книги Рихтера. Глава X посвящена Монголамъ и ихъ вліянію: вліяніе Монголовъ на военный бытъ указано очень основательно; но замѣчаніе о томъ, что подушное идетъ отъ Татаръ (стр. 143), напрасно, ибо самъ же авторъ указываетъ, что этотъ налогъ появился при Петрѣ и съ тѣхъ поръ держится (стр. 391). Очень хорошо замѣчаніе о вліяніи восточныхъ модъ на Европу XV в. Въ главѣ XI изложена исторія Литвы до 1430 г., и изложена тщательно. Къ сожалѣнію, въ книгахъ, бывшихъ подъ руками у автора (быть можетъ, труды г. Антоновича, осталась ему неизвѣстна), не было указаній на отношенія великаго князя въ Литвѣ къ князьямъ, и разница его власти отъ власти прежнихъ великихъ князей Кіевскихъ, а также великаго князя Московскаго, осталась не разъясненною. Между тѣмъ въ этихъ отношеніяхъ ключъ ко всей позднѣйшей исторіи Литвы: князья, потерявъ полную самостоятельность, сохранили власть надъ населеніемъ и стали какъ бы вассалами. Въ этой-то власти князей надъ населеніемъ—коренное различіе между Польшей и Литвой, причина болѣе аристократическаго характера Литвы въ отличіе отъ шляхетскаго

характера Польши. Замятимъ нѣсколько мелкихъ неточностей: слово лѣтописи сыновцы значить не сыновья, а племянники (стр. 148); главная битва 1321 г. (если только она была, ибо В. В. Антоновичъ, въ своемъ „Очеркѣ исторіи великаго княжества Литовскаго“, превосходно доказываетъ, что ея не было) происходила при р. Ирпенѣ въ Киевской губерніи, а не при Владимірѣ Волынскомъ (стр. 149); послѣдняя же не подтверждается достовѣрною лѣтописью. Витовтъ былъ не зять Василія Дмитріевича (beau frère, стр. 152), а тесть (стр. 180); Владиміръ вмѣсто Владислава (стр. 156), очевидно, опечатка. Глава XII ведетъ исторію Москвы до Ивана III. Разказъ чрезвычайно живъ и въ общихъ чертахъ вѣренъ. Замятимъ кое-какія неточности: тысящій едва ли можетъ быть названъ gouverneur militaire (стр. 169); Давидъ Александровичъ почиваетъ не въ Архангельскомъ соборѣ (стр. 159), а въ Даниловскомъ монастырѣ; зять Дмитрія звался Ѳеодоръ, а не Олегъ (стр. 175). Очень хорошо сближеніе разнородныхъ дружинъ, бродившихъ по Россіи при Темномъ, съ такими же англійскими и французскими дружинами временъ Карла VII. „Ивану Великому, собирателю Русской земли“ посвящена глава XIII. Авторъ проводитъ очень остроумною параллель между Иваномъ и Лудовикомъ XI. На стр. 190 замятимъ неточность: Иванъ провозгласилъ себя государемъ Новгорода, а не господиномъ, какъ полагаетъ авторъ. Въ главѣ XIV описывается царствованіе Василія Ивановича, которое „кажется на столько блѣднымъ между царствованіями двухъ Ивановъ, двухъ грозныхъ его отца и его сына..... Оно было продолженіемъ одного и приготовленіемъ другаго“. Замятимъ, что Глинскій перешелъ не къ Ивану (стр. 207), а именно къ Василю, и впалъ въ опалу не у Александра (стр. 215), а у Сигизмунда. Кстати также сказать: Вѣльскіе не Рюриковичи, а Гедеминовичи. Царствованіе Грознаго описывается въ главѣ XIV. Авторъ начинаетъ съ указанія различнаго отношенія историковъ къ Грозному (насъ нѣсколько удивляетъ появленіе имени И. Е. Забѣлина въ числѣ особенно выдающихся въ этомъ вопросѣ лицъ); авторъ замѣчаетъ совершенно основательно, что и французскіе историки долго не оцѣнивали по достоинству Лудовика XI. Профессоръ Рамбо вообще благосклоненъ къ Грозному: въ „Эпической Россіи“ онъ посвящаетъ ему блестящую страницу; въ новомъ своемъ сочиненіи онъ также правильно относится къ нему: „Писатели враждебные Ивану“, говоритъ онъ,—„охотно противопоставляютъ конецъ царствованія, время его личнаго правленія, его первымъ годамъ, то-есть,

времени правленія Сильвестра и Адашева. Въ первомъ періодѣ только успѣхи: завоеваніе Казани и Астрахани. Во второмъ періодѣ Поляки и Шведы побѣждаютъ Россію; изгоняютъ изъ Ливоніи; Русскіе терпятъ Полоцкъ; Крымскій ханъ сжигаетъ Москву. Въ сущности это сводится къ тому, что при Иванѣ IV русскія войска имѣли удачу на востокѣ противъ варваровъ, не знающихъ военной науки, и терпѣли неудачу на западѣ, гдѣ имъ приходилось бороться съ артиллеріей, тактикой, дисциплиной европейскихъ войскъ. Ивану нужно было имѣть болѣе таланта, чтобы быть побѣжденнымъ въ Ливоніи, чѣмъ чтобы быть побѣдителемъ въ Казани. Для Россіи XVI в. нѣтъ ничего безчестящаго въ томъ, что она потерпѣла поражение на этой задачѣ, ибо и Петръ Великій, при всемъ своемъ гениі, потратилъ на нея 25 лѣтъ своей жизни" (стр. 239). Заключая главу, г. Рамбо говоритъ: „Характеръ Ивана—странная смѣсь величія и варварства: жестокой, развратной, суевѣрной, онъ попеременно или предавался съ своими любимцами самымъ позорнымъ оргіямъ, или одѣтый въ рясу монаха велъ ихъ въ процессіи или къ другимъ дѣламъ благочестія“. Разказавъ его многоженство, убійство сына, профессоръ Рамбо говоритъ: „Историкъ, не пугаясь столькими жестокостями, долженъ, чтобы быть справедливымъ къ Ивану, сравнивать его съ людьми его времени; онъ не долженъ забывать, что XVI вѣкъ есть вѣкъ Генриха VIII, Фердинанда Католика, Филиппа II, Екатерины Медичи, вѣкъ инквизиціи, пытокъ. Европа того времени пошла даже далѣе азиатской Россіи, только что освободившейся отъ монгольскаго ига. По крайней мѣрѣ Иванъ изби-валъ, унижалъ, поражалъ страхомъ аристократію, сдѣлалъ невозможнымъ возрожденіе даже послѣ него той дворянской анархіи, подводнаго камня всѣхъ Славянъ, которая въ Польшѣ подъ именемъ Посполитой (авторъ напрасно не прибавилъ Рѣчи, и вообще онъ употребляетъ это прилагательное просто, а тогда оно значитъ обыкновенный (rosopolity), а Rzecz rosopolita есть буквальный переводъ Respublica), ослабивъ королевскую власть, уничтожила, наконецъ, и самую націю.“ Глава XVI называется „Русь Московская и Возрожденіе“. Здѣсь авторъ изображаетъ бытъ XVI вѣка. Въ этой главѣ есть много хорошаго; такъ нельзя не одобрить похвалы старой русской дипломатіи и сравненіе ея съ венеціанскою, хотя не думаю, чтобы Венеціанцы были нашими учителями: какъ Державина, нашихъ дипломатовъ стараго времени учили

природа, нужда и враги.

Хорошо изложена дворцовая жизнь по г. Забѣлину; картина въ видѣ дворянина, хорошо передано содержаніе литературныхъ памятниковъ; но педосмотровъ и недоразумѣній есть нѣсколько: приказы называются рядомъ и старше, и позднѣйшіе (XVII в.), и между ними есть и сомнительные (сокольничій—охота соколиная вѣдалась въ приказѣ тайныхъ дѣлъ; слово четъ, которое авторъ переводитъ словомъ quart, означало тѣ же приказы территоріальные: Новгородскій и т. д., о которыхъ авторъ говоритъ ниже). Воеводы характеризуютъ XVII в., а въ XVI вмѣсто намѣстниковъ введено самоуправленіе, о чемъ авторъ не говоритъ, а это очень важно для показанія состоянія общества; здѣсь же слѣдовало упомянуть и о губныхъ старостахъ; авторъ какъ бы раздѣляетъ холоповъ отъ дворовыхъ, а холопы и суть первые дворовые; брать въ дворовые изъ крестьянъ (стр. 257) начали гораздо позднѣе въ разгаръ крѣпостнаго права. Въ параграфѣ о литературѣ есть тоже нѣсколько недоразумѣній: Степенныя книги не официальный разказъ о первыхъ годахъ Ивана, а попытки систематической исторіи по степенямъ государей отъ Владиміра, съ очевидною цѣлью поднять значеніе власти и возвеличить духовенство; опредѣленіе Мишей—menologium неполно: въ минеяхъ, кромѣ житій, собрано весьма много сочиненій (Козьма Индикопловъ, Палей, Златоструй, Діонисія Ареопагита объ іерархіи небесной и т. п.). Мстиславцевъ и Ѳедоровъ не печатали „Описанія Москвы“ (стр. 264). Догадка, что Аристотель строилъ Успенскій соборъ по старому плану (стр. 269) основательна: онъ ѣздилъ во Владиміръ, и можетъ быть, по желанію великаго князя; стоитъ сличить оба Успенскіе собора; но извѣстіе, что Алексѣй почиваетъ въ Успенскомъ соборѣ, неосновательно: къ мощамъ его прикладываются въ Чудовѣ монастырѣ. Слѣдующая глава описываетъ царствованіе Ѳедора и Бориса. Самое лучшее въ этой главѣ есть объясненіе прикрѣпленія крестьянъ причинами экономическими (стр. 246), а также и указаніе, что Борису было выгодно имѣть за себя служилыхъ людей (стр. 274). Есть и здѣсь обмолвки: Бѣльскій считается Рюриковичемъ, хотя онъ былъ не князь, а князья Бѣльскіе были Гедиминовичи (стр. 272); возложеніе на себя Ѳедоромъ Ивановичемъ короны Казанской, Астраханской и Сибирской есть просто риторическое выраженіе, хотя казанская шапка и надѣвалась иногда при приѣмѣ пословъ („Описаніе оружейной палаты“, 46). Авторъ слишкомъ рѣшительно приписываетъ самозванство исключительно Россіи (стр. 282): отчего же Генрихъ VII такъ много возился съ Перкинсомъ Уарвикомъ. Діонисій былъ митрополитъ, а не архіепископъ (стр. 273), также какъ Филаретъ—митрополитъ, а не

епископъ (стр. 285). Глава XVIII ведетъ читателя до избранія Михаила. Разказъ очень живъ и вообще хорошъ; странно только, почему Владиславъ Ваза сталъ Славяниномъ (стр. 292); извѣстно, что Пожарскій не жилъ въ Стародубѣ, а въ своей вотчинѣ Ландекѣ (Гороховецкаго уѣзда), а Стародубъ Клязменскій (нынѣ Городокъ въ Ковровскомъ уѣздѣ) былъ удѣломъ его предка Ивана Всеволодовича. Также хорошо разказано царствованіе Михаила (гл. XIX), въ особенности умротовореніе Россіи и дипломатическія сношенія. Между царствованіемъ Михаила и Алексѣя авторъ помѣщаетъ изображеніе быта Руси западной въ XVII в., которое слишкомъ сжато, но не по винѣ автора: до сихъ поръ еще не сдѣлано полнаго обзорѣнія литовско-русской исторіи. Не обративъ вниманія на отношенія между великимъ княземъ и князьями, авторъ неясно представилъ значеніе литовской аристократіи (стр. 309); для него все различіе литовскихъ пановъ отъ шляхты въ большемъ богатствѣ и занятіи должностей; тогда—какое же отлічіе отъ Польши? Объясненіе братствъ вліяніемъ Новгорода, Пскова и Нѣмцевъ сдѣлано односторонне. Вообще значеніе нѣмецкаго права въ Польшѣ не остановило на себѣ вниманія автора: трудъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова остался ему неизвѣстнымъ. Къ удивленію своему, въ числѣ героевъ казацкихъ мы встрѣтили имя Бульбы (стр. 318). Царствованія Алексѣя и Θεодора (гл. XXI) почти не представляютъ случаевъ къ замѣчаніямъ, только о Никонѣ надо сказать, что онъ родился въ Нижегородской, а не въ Новгородской губерніи (стр. 332), что Новоспасскій монастырь не въ Кремлѣ, и что Никонъ былъ назначенъ митрополитомъ.

Четыре главы (XXII—XXV), изображающія время Петра, безукоризненны. Вотъ общее сужденіе автора о Петрѣ: „Онъ былъ прежде всего человекъ борьбы, созданный для борьбы: высокій, крѣпко сложенный, съ характеромъ нервнымъ и сангвиническимъ вмѣстѣ, съ сильною рукою плотника. Вся жизнь его — борьба съ силами прошлаго: съ невѣжественнымъ дворянствомъ, фанатическимъ духовенствомъ, народомъ, который охотно сохранялъ свое варварство и свою національную исключительность, съ казаками и стрѣльцами, представителями стараго войска, съ расколомъ—представителемъ старыхъ суевѣрій. Борьба эта, потрясая Россію и міръ, ожидала его и въ средѣ собственной семьи: онъ боролся сначала съ своею сестрой Софіей и потомъ съ своею женой Евдокіей и своимъ сыномъ Алексѣемъ. Весь преданный своему страшному дѣлу, Петръ во всю жизнь свою презиралъ пышность, роскошь, всякую изысканность; первый русскій им-

ператоръ, строитель Петербурга, забылъ построить себѣ дворецъ; его любимое мѣстопребываніе въ Петергофѣ—дача зажиточнаго саардамскаго гражданина; столъ его былъ умѣренъ; напиваясь пивомъ или водкой, онъ искалъ главнымъ образомъ возбужденія или забвенія. Народъ сохранилъ его память въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ: онъ любитъ повторять, что „онъ работалъ хуже бурлака“. Его жизнь, такъ наполненная, была лихорадочною дѣятельностью: задыхаясь и надрываясь, самъ Петръ Великій заставлялъ задыхаться и надрываться Россію. Удивительно ли, что онъ не щадилъ того, что попадалось ему на дорогѣ? Онъ былъ скоръ и тяжелъ на руку: страшный посохъ Ивана IV перешелъ какъ будто въ его руки. Видѣли, какъ онъ своею тростью билъ самыхъ высшихъ сановниковъ, даже князя Меншикова. Онъ насиловалъ людей, вещи, природу, время; онъ осуществлялъ прогрессъ посредствомъ деспотизма. Еще долго историки русскіе и иностранные будутъ колебаться произнести о немъ окончательный приговоръ или будутъ произносить самыя противоположныя сужденія“. Двѣ слѣдующія главы обнимаютъ время до Елисаветы. Характеристика бироновщины очень хороша (жаль только, что авторъ переводитъ названіе Преображенскаго приказа—*prkaz de réformation*, чѣмъ даетъ невѣрное понятіе, ибо приказъ этотъ получилъ свое названіе отъ села Преображенскаго). Придворныя забавы Анны изображены очень удачно. Слѣдующая глава посвящена Елисаветѣ (гл. XXVIII). Оцѣнивая Елисавету, авторъ много слѣдовалъ г. Соловьеву и хорошо сдѣлалъ. Какъ Французъ, онъ оцѣнилъ антипрусскую политику гр. Вестужева-Рюмина по достоинству и отмѣтилъ начинавшееся французское вліяніе (замѣчаніе о появленіи Французовъ въ Академіи Наукъ съ Елисаветы не точно: оба Делиля были въ числѣ первыхъ академикомъ). Есть мелкія неточности: Кирилль Разумовскій — братъ, а не сынъ Алексѣя; Смольный монастырь сдѣлался институтомъ при Екатеринѣ, а не при Елисаветѣ; Княгинишъ началъ писать тогда же (статя на стр. 487 ему приписанъ Аблесимовскій „Мельникъ“); а Каптимиръ только доживалъ при Елисаветѣ. Относительно сохраненія личнаго достоинства противопоставить Ломоносова Тредьяковскому можно; но о Кантемирѣ въ этомъ случаѣ упоминать не слѣдовало бы (стр. 449), ибо одно дѣло—большой баринъ, а другое—академикъ изъ семинаристовъ. Выпишемъ общую оцѣнку царствованія Елисаветы: „Внутри она продолжала преданія великаго императора; развивала матеріальное благосостояніе страны, исправляла законодательство, создавала новые центры населенія; она

дала сильный толчекъ наукамъ и національной литературѣ; она приготовила сближеніе между Франціей и Россіей, освобожденною отъ Нѣмцевъ; извѣтъ она остановила угрожающее возрастаніе Пруссіи, побѣдила и довела до отчаянія перваго полководца вѣка, заключила первый франко-русскій союзъ противъ чисто-военной монархіи Гогенцолерновъ. Лучше оцѣненная при помощи новыхъ документовъ, она займетъ въ исторіи почетное мѣсто даже между Петромъ I и Екатериною II^а.

Время Петра III оцѣнено по достоинству въ слѣдующей главѣ (XXIX); а затѣмъ три главы (XXX — XXXII) посвящены Екатеринѣ II. Въ своемъ изложеніи г. Рамбо сумѣлъ дать ясное представленіе и о внѣшней, и о внутренней политикѣ Екатерины. Замѣчательно, что лучше многихъ Русскихъ онъ понялъ, что Екатерина еще не могла уничтожить крѣпостное право. Преобразованія Екатерины во внутреннемъ управленіи изложены довольно обстоятельно: по пропуску палаты уголовной и гражданской съ ихъ выборными отъ дворянства предсѣдателями и сословными засѣдателями, а также совѣстнаго суда, дѣлаетъ неяснымъ изображеніе судебного устройства. Для характеристики времени недостаетъ полной оцѣнки созданнаго Екатериною дворянскаго самоуправленія, которое было важно и въ государственномъ, и въ общественномъ смыслѣ. Изображая дѣятельность внѣшнюю, авторъ останавливается долго на польскомъ вопросѣ; онъ хорошо понялъ причины паденія Польши: 1) естественное стремленіе Россіи возвратить себѣ русскія земли (значение уніи отъ него также не ускользнуло); 2) стремленіе Пруссіи къ округленію; 3) внутреннюю анархію Польши въ борьбѣ съ преобразовательными попытками XVIII в. (стр. 460—462); тѣмъ не менѣе онъ серьезно относится къ конституціи 3-го мая и не признаетъ связи Поляковъ съ яacobинцами. Время послѣ Екатерины изображено и вѣрно, и ярко (гл. XXXIII). Александру отданы двѣ главы (гл. XXXIV, XXXV); въ одной описываются дѣла внѣшнія, въ другой—внутреннія. Внѣшнія дѣла разказаны обстоятельно и вѣрно; любопытно слѣдующее замѣчаніе: „Если бы Наполеонъ вмѣсто того, чтобы углубляться внутрь Россіи, ограничился только устройствомъ и защитой древняго Литовскаго княжества, то никакая человѣческая сила не могла бы воспрепятствовать возстановленію Польско-Литовскаго государства въ его прежнихъ границахъ“. Съ этимъ едва ли можно согласиться. Въ изложеніи дѣлъ внутреннихъ находимъ правильную оцѣнку и Сперанскаго, и Аракчеева, но встрѣчаемъ и нѣсколько недоразумѣній: хлысты (въ-

роятно, ихъ называетъ авторъ *tourneurs*) собирались не въ Зимнемъ, а въ Михайловскомъ дворцѣ (Инженерный замокъ); лицей Александровскій и Царскосельскій—одно и то же заведеніе, переведенное изъ Царскаго Села на Петербургскую сторону въ 1843 г. (стр. 618); журналъ Вѣстникъ Словесности миѣ неизвѣстенъ, и у Смирдина его нѣтъ (стр. 623); у Библейскаго общества вѣтвей было много, а не одна въ Новочеркасскѣ (см. статью А. Н. Пыпина). Московское археологическое общество основано только гр. А. С. Уваровымъ въ 1864 г., а Одесское существуетъ съ 1839 г. Журналъ Кропотова назывался не Демократъ, а Демокритъ (стр. 630); Жуковскій переводилъ Одиссею, Наля и Рустема въ 30-хъ и 40-хъ годахъ; Полевой писалъ драмы и романы въ 30-хъ (стр. 632); чтобы кончить съ литературой, уважемъ, что и въ позднѣйшемъ изложеніи встрѣчаются неточности: Румянцевскій музей основанъ въ С.-Петербургѣ, а не въ Москвѣ, куда онъ перенесенъ на нашей памяти (стр. 641); Пушкинъ основалъ Современникъ и издалъ первый годъ (1836); Бѣлинскій же вступилъ въ Современникъ Некрасова въ 1847 г. Забѣчу кстати, что „Уложеніе о наказаніяхъ“ вышло въ 1845, а не 1835 г. Излагая событія вѣрно и безпристрастно, авторъ однако и въ послѣднихъ главахъ (царствованіи императора Николая посвящена глава XXXVI, послѣдняя же глава занята изложеніемъ событій настоящаго царствованія) не совсѣмъ точно понимаетъ значеніе присоединенія уніатовъ (стр. 657) и не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ поводы современной русской политики въ Польшѣ. Прибавимъ впрочемъ, что Французу и трудно освободиться отъ вѣковыхъ преданій. Изложеніе преобразованій настоящаго царствованія и сочувственно, и обстоятельно, но есть и невѣрности: плата за ученіе не была понижена (стр. 688), а была повышена въ 60-хъ годахъ только въ провинціальныхъ университетахъ (прежде въ столицахъ платили 50 р., а въ провинціи 40); губернское и уѣздное земское собраніе (стр. 657) хоть и называется въ разговорѣ земствомъ, но это не точно: земство есть собраніе всѣхъ жителей края, а не только земскія учрежденія; русская политика въ Азіи, политика, медлящая присоединеніями, не подражаніе Англіи (стр. 703), а скорѣе политикѣ Московскихъ князей: вспомнимъ Казань. Въ немногихъ словахъ сказавъ о послѣдней войнѣ (при чемъ генералъ Гурко напрасно разжалованъ въ полковники), авторъ заключаетъ свой трудъ слѣдующими строками: „Россія, намѣченная Рюрикомъ, раздѣленная послѣ Ярослава Великаго, собранная династіей Ивановъ, европеизованная Петромъ Великимъ и Екатериною II, освобожденная отъ рабства Алексан-

дромъ II, вступаетъ въ новую фазу своей исторіи; войны въ настоящее время имѣютъ послѣдствія не только во внѣшнихъ сношеніяхъ страны, но и въ ея внутреннемъ развитіи. Внѣшняя политика Россіи, не смотря на всѣ колебанія, не могла быть отвращена отъ трехъ главныхъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ Иванъ Великій: окончаніе поединка съ Литовско-Польскимъ государствомъ изъ-за гегемоніи въ славянскомъ мирѣ, борьба съ западными сосѣдями за открытіе свободнаго выхода морями Балтійскимъ и Чернымъ, возмездіе за него татарское противъ Туранцевъ Средней ли Азій, или Константинополя. Внутри новый путь открытъ для нея просвѣтительными реформами XVIII в., освободительными преобразованіями настоящаго царствованія... Намъ пришлось главнымъ образомъ разказывать исторію Русскаго государства, исторія Русскаго народа только что начинается. Съ Русскимъ государствомъ Франція нерѣдко имѣла столкновенія; ея сочувствія къ Россіи возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ она больше и больше видитъ народъ^а.

Мы долго останавливали вниманіе читателя на этой замѣчательной книгѣ, и не безъ причины: подобно книгѣ г. Мекензи Уолеса „Russia“¹⁾, книга профессора Рамбо — самое добросовѣстное, самое сочувственное выраженіе отношеній къ намъ Европы. Въ насъ видятъ даровитыхъ учениковъ, на то, что есть у насъ слогого, смотрятъ подозрительно, вѣрятъ въ наше будущее лишь на столько, на сколько оно можетъ соответствовать общему ходу Европы. Большаго мы не желали и не можемъ желать; желаемъ только, чтобы каждый русскій литераторъ также любилъ свою страну, также ревниво охранялъ ея лучшія преданія, какъ профессоръ Рамбо, оставаясь притомъ благосклоннымъ и безпристрастнымъ къ другимъ, на сколько это возможно человѣку; желаемъ также, чтобы каждый русскій литераторъ, собираясь писать о чемъ-нибудь, также самоотверженно заявилъ своимъ дѣломъ, какъ пр. Рамбо. Наши замѣтки о мелкихъ неточностяхъ его книги — дань уваженія къ его труду и таланту; надѣемся скоро видѣть ея второе исправленное изданіе и заключимъ желаніемъ, чтобы въ Европѣ книга эта сдѣлалась классическою²⁾.

¹⁾ Переводъ въ одномъ мѣстѣ слова г. Уолеса, профессоръ Рамбо допустилъ недосмотръ: *philosophical historians (Russia, II, 247)* значить не *historiens de la philosophie* (историкѣ философіи), а *historiens philosophes* (историкѣ-философы).

²⁾ Книгу украшаютъ четыре хорошо сдѣланныя карты: этнографія древней и новой, увеличенія территоріи до Петра и послѣ него. Хорошій прииѣръ, которому у насъ не всегда слѣдуютъ.

К. Вестужевъ-Рюминъ.